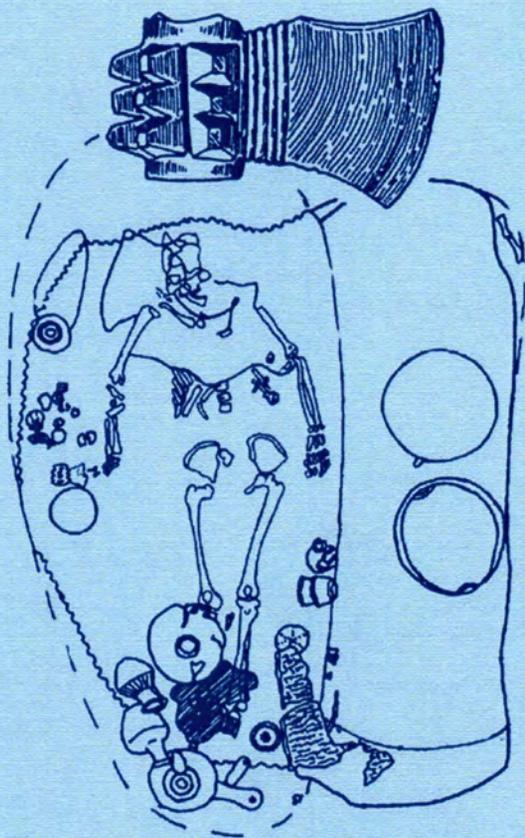

**ВЕЩЬ В КОНТЕКСТЕ
ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА**

**ARTIFACT IN THE CONTEXT
OF FUNERAL RITES**

УДК 902/904
ББК 63.5я431
В26

Ответственные редакторы

С.А. Яценко
Е.В. Куприянова

Рецензенты

О.Ю. Артемова, д-р ист. наук,
профессор УНЦ социальной антропологии РГГУ

Н.В. Шабуров, канд. культурологии, доцент,
руководитель УНЦ изучения религий РГГУ

ISBN 978-5-7281-2550-1

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2020

Содержание

Предисловие	9
<i>Н.А. Тарасенко</i> Погребальный инвентарь египтянки Несмут: узурпация или адаптация?	10
<i>Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.</i> Вещь в контексте жертвенного комплекса по данным могильника Екатериновский мыс	24
<i>И.А. Кукушкин, М.В. Бедельбаева</i> Погребения с булавой: семантические аспекты (по материалам могильника Тундык)	35
<i>Я.В. Рафикова</i> Эксклюзивное украшение из парного погребения эпохи поздней бронзы Южного Урала	45
<i>И.П. Алаева</i> Сосуды для погребального пира в захоронениях бронзового века Южного Зауралья	54
<i>Е.В. Волкова</i> Погребальная керамика как исторический источник	62
<i>Е.В. Курриянова, А.Н. Усачук</i> Псаллии из кургана 1 могильника Степное-1: роль в жизни и ритуале	73
<i>А.А. Файзуллин</i> Украшения из кости в погребальной обрядности населения ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости в обществе скотоводов эпохи бронзы ...	90
<i>Э.Р. Усманова</i> Нож-кинжал в андроновском погребальном обряде (по материалам погребальных памятников Лисаковской округи).....	102
<i>Л.С. Ильюков</i> Персинг у скотоводов бронзового века Восточной Европы.....	111
<i>А.В. Вертиенко</i> Золото в погребениях кочевников раннего железного века: к пересмотру концепций	115
<i>М.Е. Килуновская, Я.В. Фролов</i> Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы.....	126

<i>А.П. Мошинский</i>	
Конь и его снаряжение в кобанском и аланском могильниках у с. Лезгор в Горной Дигории.....	139
<i>Н.А. Гаврилюк</i>	
Лепная керамика в контексте погребального обряда населения Северного Причерноморья (к вопросу о греко-скифских связях) ..	148
<i>В.К. Федоров</i>	
Трикветры в культурах эпохи раннего железа степной полосы Евразии	163
<i>Ю.А. Прокопенко</i>	
Элементы античного культа смерти в погребальной обрядности населения Центрального Предкавказья в III–I вв. до н. э.	175
<i>С.А. Яценко</i>	
Сарматские женские погребения с топорами I–III вв. н. э.	186
<i>О.В. Шаров</i>	
Погребение с Золотой маской из Керчи: детерминация пола в контексте погребального обряда и инвентаря	192
<i>Е.М. Черных, О.Ф. Хайруллина</i>	
Наконечники стрел в погребениях Боярского («Арай») могильника III–V вв.	203
<i>К.И. Ташбаева</i>	
Погребальный инвентарь женщины гуннского времени из могильника Жапырык II Внутреннего Тянь-Шаня.....	217
<i>Л.Н. Ермоленко</i>	
Изваяние как объект погребально-поминальной обрядности древних тюрков (проблема портретности)	227
<i>Сташенков Д.А.</i>	
Погребальный костер и инвентарь погребений в погребально-поминальном обряде населения Самарского Поволжья хазарской эпохи	238
<i>Г.В. Требелева, С.М. Саканиа, Т.Ю. Шведчикова, А.Д. Япрынцев</i>	
К проблеме датировки погребений из некрополя Маркульского городища при храме (Абхазия, IV–XIV вв.).....	242
<i>Ю.К. Гугуев</i>	
Разрешительные документы в могиле умершего в Древней Руси, на Балканах и в Западной Европе (X–XV вв.)..	251
<i>Панченко К.И.</i>	
К вопросу о сосудах в православном погребальном обряде	263

Content

Preface	9
<i>N.A. Tarasenko</i>	
Burial Set of Egyptian Woman Nes-Mut: Usurpation or Adaptation? ...	10
<i>A.I. Korolev, A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov</i>	
Artifact in the Sacrificial Complex on the Data of Eketerinovskii Mys Necropolis	24
<i>I.A. Kukushkin, V.V. Bedelbaeva</i>	
Graves with Mace: the Semantic Aspects (on the materials of Tundyk Necropolis)	35
<i>Ya.V. Rafikova</i>	
Unique Costume Accessory from the Pair Grave of Late Bronze Age in the South Ural	45
<i>I.P. Alaeva</i>	
Vessels for a Burial Banquet in the Bronze Age Graves of the South Trans-Ural Region	54
<i>E.V. Volkova</i>	
Burial Pottery as the Historical Source	62
<i>E.V. Kupriyanova, A.N. Usachuk</i>	
The Cheekpieces from Kurgan 1 of Stepnoye 1 Cemetery: the Role in the Life and the Rite	73
<i>A.A. Faizullin</i>	
Gala Bone Wares in the Burial Rituals of Yamnaya (Pit) Culture Peoples of Volga-Ural Region as the Social Marker of Bronze Age Cattlemen Society	90
<i>E.R. Usmanova</i>	
Knife-Dagger in Andronovo Community Burial Rituals (on the material of Burial Complexes of Lisakovsk Surrounding Area) ..	102
<i>L.S. Ilyukov</i>	
Piercing of the Bronze Age Cattlemen in the Eastern Europe	111
<i>A.V. Vertianko</i>	
Gold in the Early Iron Age Nomads' Burials: on the Revision of Concepts	115
<i>M.E. Kilunovskaya, Ya.V. Frolov</i>	
Comparative Analysis of the Belt Details of Scythian Time from Barnaul Ob' Basin and Tuva	126

<i>A.P. Moshinsky</i>	
Horse and Horse Harness in Koban Culture and Alanian Cemeteries near Lesgor Village of Digora Gorge	139
<i>N.A. Gavrilyuk</i>	
Hand-Made Pottery in the Burial Rituals Context of the North Black Sea Area Population (on the Problem of Greek-Scythian Communications)	149
<i>V.K. Fedeorov</i>	
Triqueters in Early Iron Age Cultures of Eurasian Steppe Zone	163
<i>Yu.A. Prokopenko</i>	
Elements of Greek Death Cults in the Burial Rituals of the Center of Northern Caucasus in the 3rd-1st cc. BCE	175
<i>S.A. Yatsenko</i>	
Sarmatian Female Graves with Axes of the 1st-3rd cc. CE	186
<i>O.V. Sharov</i>	
Burial with a Golden Mask from Kerch: Sex Determination in the Context of the Funeral Rite and Inventory	192
<i>E.M. Chernykh, O.F. Khairullina</i>	
Arrowheads in the Burials of Boyarka (Arai) Necropolis of the 3rd-5th cc. CE	203
<i>K.I. Tashbaeva</i>	
Funeral Inventory of the Hunnic Time Woman in Zhapyryk II Necropolis in the Inner Tien-Shan Mountains	217
<i>L.N. Ermolenko</i>	
Statue as the Object of Burial and Funeral Rituals of the Early Turks (on the Portrait Problem)	227
<i>D.A. Stashenkov</i>	
Burial Fair and Grave Inventory in the Burial and Funeral Rites of the Population of Samara Volga Region of Khazar Epoch	238
<i>G.V. Trebleva, S.M. Sakania, T.Yu. Shvedchikova, A.D. Yapryntsev</i>	
On the Problem of Graves Dating of Markula Hillfort Necropolis near the Church (Abkhazia, the 4 th -14 th cc.)	242
<i>Yu.K. Guguev</i>	
Allowing Documents in the Graves of the Medieval Rus', in the Balkans and Western Europe (the 10 th -15 th cc.)	251
<i>K.I. Panchenko</i>	
On the Problem of Vessels in the Orthodox Funeral Rites	263

Погребения с булавой: семантические аспекты
(по материалам могильника Тундык)

И.А. Кукушкин

*Сарыаркинский археологический институт
при Карагандинском гос. университете,
Караганда, sai@mail.ksu.kz*

М. В. Бедельбаева

*Музей археологии и этнографии Сарыаркинского археологического
института при Карагандинском гос. университете,
Караганда, bmv_1967@mail.ru*

Булавы с каменными и металлическими навершиями имеют довольно широкое географическое распространение. Они известны в древнем Египте, Месопотамии, на Кавказе, в Средней Азии и в степях Юго-Восточной Европы. В Урало-Казахстанском регионе количество найденных наверший булав, относящихся к эпохе бронзы, составляет около 30. Единично они представлены в материалах поселенческих и погребальных комплексов. Предполагается, что технология изготовления булав сближает их с такими изделиями, как сверленные топоры и молоты, видимо, соотносимые с мировоззренческими представлениями предшествующего времени [1 с. 105]. На это, например, может указывать находка архаичного сверленного каменного шлифованного топорика в алакульском погребении могильника Лисаковский III в Северном Казахстане [2 с. 124–125, рис. 28–10].

Появление булав в этот период исследователи соотносят с масштабными миграционными процессами, катализатором которых стали военнизированные сообщества, тесно связанные с феноменом колесничества. В степной Евразии происходит коренная трансформация социально-экономических отношений, в основе которой лежит становление комплексных обществ, имеющих ярко выраженные милитаристские черты. Формируются и развиваются новые этнокультурные образования с доминантой воинских колесничных традиций.

© Кукушкин И.А., Бедельбаева М.В., 2020

Работа выполнена в рамках гранта МОН РК (проект № AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы»).

В Южном Зауралье каменные булавы были зафиксированы в некрополях Синташта [3 с. 139, 147, 232, 265, 318, 336], Кулевчи 6 [4 с. 150], Большекараганский [5 с. 73], Каменный Амбар 5 [6 илл. 30–9]. В Верхнем Притоболье (Северный Казахстан) каменные булавы отмечены на Алексеевском [7 с. 55–72] и Лисаковском поселениях [8 с. 8, рис. 30], в погребальных памятниках обнаружены на некрополях Бестамак [9 с. 126], Кенес [10 с. 83], Перелески [11 с. 108, рис. 7–36]. В Западном Казахстане каменные булавы найдены в погребениях могильников Танаберген 2 и Жаман–Каргала 1 [12 с. 29, 343]. В Центральном Казахстане три каменные булавы выявлены на поселении Икпень 1, в погребальных памятниках встречены в могильниках Нуртай [13 с. 69, 162], Майтан [14 с. 296], Сенкибай 2 [15].

Все известные экземпляры булав в этом регионе генетически связаны с синташтинской, петровской и раннеалакульской колесничными культурами, развивавшимися в первой трети второго тысячелетия до н.э. Однако уже в раннеалакульское время, наряду с каменными, получают распространение и металлические навершия булав. Так, бронзовая булава была обнаружена в кургане 8 эпонимного могильника Алакуль в Южном Зауралье. Ее отличительной особенностью является овально вытянутая форма с 16 вертикальными гранями. С обеих сторон на втулке отмечены небольшие валики [16 с. 68].

Редким случаем стала находка металлического навершия булав в Северном Казахстане. При исследовании кургана 14 могильника Баганаты 3 в крупной грунтовой яме выявлено парное захоронение. При расчистке погребальной камеры в придонной части обнаружены роговой дисковидный псалий, каменные наконечники стрел, женские украшения, бронзовый нож и медное навершие булав шаровидной формы, а также керамическая посуда. Памятник отнесен к петровским древностям [17 с. 17].

Показательные в этом плане материалы были получены при исследовании раннеалакульского могильника Тундык. Памятник находится в Центральном Казахстане в 300 км восточнее г. Караганды. Некрополь разновременный, устроен на гребне невысокой сопки, вытянутой с севера на юг. К эпохе бронзы отнесено 5 крупных курганов и 7 безнасыпных оград. Исследованы три кургана.

В контексте рассматриваемой проблематики значительный интерес представляет курган 2, где были выявлены четыре погребения. Центральную часть занимали разграбленные в древности захоронения 1

и 2, совершенные в двух каменных ящиках, имеющих общую перегородку. В юго-восточном секторе размещалось детское погребение 3, устроенное в небольшом каменном ящике. Интересующее нас захоронение 4 расположено в северо-западном секторе. Оно представляет собой грунтовую яму размерами 195 x 110 см, заглубленную в материк на 30 см и ориентированную по линии 3–В. При выборке погребения расчищен костяк человека, уложенного ничком в слабоскорченном положении головой на запад. Возможно, первоначально умерший был уложен скорченно на левом боку, но под тяжестью перекрытия насыпи развернут на живот.

Выше головы умершего обнаружен бронзовый обоюдоострый нож-кинжал с клинком листовидной формы, слабовыраженным перекрестием и прямым коротким широким черешком, морфологические особенности изделия могут указывать на сейминско-турбинское влияние (рис. 1, 1). Показательно, что наряду с традиционным креплением ножей к рукояти, данный тип ножей мог крепиться перпендикулярно под углом 90° к костяной или деревянной рукояти [18 с. 76], приобретая форму и функциональные особенности небольшого боевого топорика. В нашем случае на это, как будто, указывают расположенные перпендикулярно черешку ножа следы древесного тлена. На уровне тазовых костей отмечена плоская галька зеленовато-серого цвета, возможно, выполнявшая функции давилочного камня при приготовлении галлюциногенного напитка.

С южной стороны ниже тазобедренного отдела найдено компактное скопление наконечников стрел с индивидуальными характеристиками, предположительно помещенных в колчан. Всего зафиксировано 8 экземпляров, из которых 7 изготовлены из рога, а один из меди (рис. 1, 2). Наряду с уже классифицированными шиловидными и листовидными типами черешковых наконечников [14 с. 292 рис. 127] зафиксированы и ранее не известные экземпляры, дублирующие форму срубно-андроновского ножа-кинжала, отмечен редкий наконечник с раздваивающимся насадом. Единично представлен втульчатый наконечник с округло-притупленной ударной частью (так называемый томар), предназначенный для охоты на мелкого пушного зверя или птицу. Такое разнообразие наконечников стрел может указывать на их использование в ритуальной сфере при проведении обрядовых действий. Символика лука и стрел нередко выступает в качестве одного из наиболее древних проявлений сакральной практики [19 с. 135].

Перед лицом умершего были установлены два керамических сосуда с ребристым и уступчатым профилем, характерных для раннеалакульского периода.

На правом предплечье лежало бронзовое навершие булавы, имеющее слегка выделенный бортик вокруг сквозной втулки (рис. 1, 3). Оно имело шаровидное чуть приплюснутое монолитное тело диаметром 4,5 см, высотой 3,5 см, в том числе бортика - 0,5 см. В центральной части булавы сделано отверстие диаметром 1,7 см, сужающееся к верхней части. В отверстии втулки сохранился фрагмент деревянной рукояти булавы высотой 2,8 см и диаметром 1 см [20, с. 136].

Отсутствие зоо- и антропоморфной изобразительной традиции в материальной культуре андроновского населения нередко заставляет обращаться к материалам петроглифов и данным древних письменных источников, таких как Ригведа и Авеста, в ряде случаев позволяющих прояснить детали семантики, например - функции булав, обнаруженных в некрополе.

Погребение 4 занимает периферийную часть подкурганной площадки, а в центре расположено, видимо, более значимое парное захоронение. Но несмотря на относительно более низкий социальный статус, умершего сопровождал представительный комплекс вещей: бронзовый нож / топорик, медная булава, видимо - лук с колчаным набором, давяльный камень. Совокупный характер инвентаря допускает, что это погребение могло принадлежать воину-жрецу (рис. 2), где объектом культа выступает верховное божество индоарийского пантеона Индра – олицетворение божества грозы и боя, главным оружием которого была ваджра – булава (наделенная такими эпитетами как «дубина грома», «непобедимое оружие»). В основном индоарийском мифе с помощью ваджры Громовержец побеждает страшного демона-дракона Вритру [21 с. 438].

Ключевую роль играет контекст расположения навершия – на правом предплечье умершего, что позволяет видеть здесь аналогию образам «палиценосцев», хорошо известных по наскальным изображениям, например, в урочищах Тамгалы [22 с. 11–12] и Сауыскандык [23 с. 296–297, рис. 1, 3, 4], которого нередко отождествляют с верховным божеством индоариев – Индрой.

Обращает на себя внимание сюжет, видимо, ритуального поединка двух бойцов, вооруженных булавами, изображенных на скалах в урочищах Сауыскандык в Южном Казахстане [24 с. 261–262, рис. 485], Шунак в Центральном Казахстане [25 с. 77–79, табл. 35], Сагыр в

Восточном Казахстане [26 с. 23, 29, рис. 25]. Интересно, что в последнем случае за спинами соперников видим прикрепленные к спинам вертикально-удлиненные предметы, интерпретируемые как щиты. Однако, расположение *in situ* навершия булавы в тундыкском захоронении позволяет рассматривать эти атрибуты в качестве специальных узких чехлов для ношения булав, тем более, что изображений щитов этого времени ни в наскальной живописи, ни в погребальных комплексах обнаружено не было.

Предполагается, что данные персонажи могут быть изображениями жрецов, служителей культа этого грозного божества. Видимо, такие сцены из андроновской мифологии регулярно разыгрывались отправителями культа с ритуальными целями, при которых булавам отводилась символическая роль магического всеограждающего смертоносного оружия, принадлежавшего богам, которые делают его обладателей, а, следовательно, и весь социум, непобедимым. Этот тезис подтверждается качественными характеристиками самих булав, которые изготавливались, в основном, из мягкого и хрупкого материала, легко поддающегося обработке. Найденные обычно в погребениях, они тщательно зашлифованы и не имеют следов контактного воздействия.

Интерпретация рассматриваемого погребения как захоронения жреца предполагает наличие в андроновском обществе довольно развитой системы религиозно-мифологических представлений, поддерживаемой специально подготовленными людьми, обладающими сакральными знаниями [27 с. 88].

Близкие выводы делаются и другими исследователями. Так, ранее анализ погребений с булавами привел к заключению, что такие захоронения не являются основными, однако навершия, очевидно, служили своеобразными маркерами лиц особого социального ранга, скорее всего жрецов (которые, хотя и относились к элитному слою общества, но занимали менее высокую социальную позицию по сравнению с представителями родовой военной аристократии). Эта ранжированность была зафиксирована и в особенностях планиграфии захоронений с булавами [28 с. 40–41; 29 с. 133, 135; 30 с. 77–80]. Показательна варновая система древней Индии, где на первом месте стоят кшатрии, воины-колесничие, из среды которых обычно выбирался царь [21 с. 454], за ними следуют брахманы – жрецы, занимающие вторую ступень в структуре социальной иерархии общества.

Значимость культа бога войны в первой четверти II тыс. до н.э. выразилась не только в распространении погребений вероятных жрецов

с булавами, но, видимо, и в принятии родовой военной аристократией ряда жреческих функций. Предметная сакрализация воинской власти была реализована в проведении пышных и сложных погребальных обрядов, наличии богатого инвентаря в могилах вождей-колесничих, куда стали помещать и булавы, что нашло отражение в ряде петровских и раннеалакульских элитных захоронений [29 с. 136; 30 с. 78].

Так какую же роль играли булавы? Обычно их интерпретируют как инсигнии власти, но какой – светской, духовной, военной или вместе взятых? Исключительно хорошая сохранность булав, найденных в непо потревоженных погребениях, как будто указывает на приоритет символики социальной ранжированности или атрибута духовных практик. Однако находки медных наверший булав, несмотря на их небольшой вес (200 г), допускают их использование и в качестве боевого оружия. Думается, функции булавы как сакрального предмета менялись с течением времени. Если на ранних этапах преобладала ее жреческая символика, а в дальнейшем семантика трансформировалась в духовно-управленческую, а позднее, с широким распространением металла, видимо, на первое место вышли боевые качества булавы, возможно - при определенном сохранении властной символики. Об этом могут свидетельствовать, например, представительные коллекции разнообразных по форме, и, вероятно, по назначению булав, экспонируемых в исторических музеях современного Ирана [31 с. 136–137].

Литература

1. *Михайлов Ю.И.* Сакральная природа символов власти в синташтинской и сейминско-турбинской традициях // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. V. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. С. 104–113.

2. *Усманова Э.Р.* Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи. Археологические сюжеты. Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 19–168.

3. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. I. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.

4. *Виноградов Н.Б.* Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. № 3. С. 136–153.

5. *Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64–88.
6. *Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
7. *Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Труды Гос. Исторического музея. 1948. Вып. XVII. С. 55–172.
8. *Усманова Э.Р.* Охранные археологические раскопки Лисаковского поселения эпохи бронзы: отчет // Архив Сарыаркинского археологического ин-та при КарГУ. Караганда, 1988.
9. Исследования могильника Бестамак в 2006 году / *Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В.* // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году. Алматы, 2007. С. 123–127.
10. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей [основы периодизации]. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. 177 с.
11. *Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: учебное пособие. Караганда: Изд-во Карагандинского гос. ун-та, 2002. 138 с.
12. *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
13. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
14. *Ткачев А.А.* Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.
15. *Кукушкин И.А.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Исследования колесничных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы» // Архив Сарыаркинского археологического ин-та при КарГУ. Караганда, 2014.
16. *Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 24. М. С. 51–71.
17. *Плешаков А.А., Мартынюк О.И., Баев А.В.* Могильник эпохи бронзы Баганаты III. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2005. 82 с.

18. *Матющенко В.И., Синицына Г.В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 136 с.

19. *Михайлов Ю.И.* Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

20. *Кужушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кужушкин А.И.* Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. Науч. Конф. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей. 2015. С. 136–143.

21. *Елизаренкова Т.Я.* Примечания // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 544–757.

22. *Рогожинский А.Е.* Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций. 2001. Вып. 2. Алматы. С. 7–44.

23. *Швец И.Н.* Об антропоморфных изображениях казахстанских петроглифов эпохи бронзы // Таинство этнической истории древнейших народов степной Евразии. / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 294–300.

24. *Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М.* Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Изд-во филиала Ин-та археологии МОН РК в Астане, 2014. 374 с.

25. *Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.А.* Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда: Сарыаркинский археологический ин-т, 2015. 252 с.

26. *Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

27. *Кужушкин И.А.* Мировоззрение и традиции населения андроновской историко-культурной общности (по данным погребальной обрядности) // Вестник НГУ, Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 5. С. 87–98.

28. *Малов Н.М.* Погребения с булавами и втоками из натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. 1991. Вып. 2. Саратов. С. 15–42.

29. *Нелин Д.В.* Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V. Кн. 1. Челябинск: ЧелГУ, 1995. С. 132–136.

30. *Мельников Е.Н.* Погребения с навершиями булав эпохи бронзы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий / Отв. ред. С.С. Бессуднов. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 1999. С. 77–80.

31. Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. 454 с.

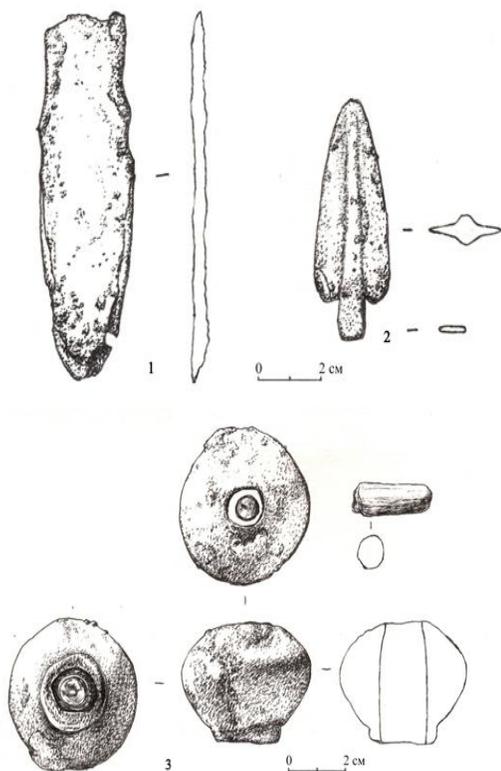

Рис. 1. Могильник Тундык: 1 – бронзовый нож; 2 – медный наконечник стрелы; 3 – бронзовое навершие булавы с фрагментом деревянной рукояти

Рис. 2. Графическая реконструкция облачения раннеалакульского воина-жреца (по материалам могильника Тундык)